

The background of the cover is a stylized, colorful illustration. At the top left, a sun with a red spiral center is set against a yellow and orange sky. Below the sky, there are green, wavy hills or mountains. The foreground is a blue and purple gradient, suggesting a body of water or a distant shore. In the bottom right corner, there is a stylized grey and black creature with a long neck and a small eye, looking towards the left.

ТИМА ФЕЕВ

ЙОНТРА

ИСТОРИИ ДАЛЁКОГО БЕРЕГА

16+

Тима Феев

Йонтра

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Феев Т.

Йонтра / Т. Феев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

На далёкой планете похожий на осьминога инопланетянин каждый вечер рассказывает истории. Рядом с ним на берегу собираются его слушатели. Они прилетают на эту планету из разных миров. Истории, которые они слышат, не похожи одна на другую. В них есть и дружба, и любовь, но есть и страх, и ненависть. В общем, почти обыкновенный живой мир, который при ближайшем рассмотрении становится почти фантастическим.

© Феев Т., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

1. Вступление	5
2. Аввы	10
3. Радуга	14
4. Лед	17
5. Слишком много окон	21
6. Железная балка	25
7. Мантры	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

1. Вступление

Что может быть лучше теплого летнего вечера. Когда дневная жара начинает уже спадать, закат раскрашивает небо красным и оранжевым, а легкий ветерок навевает приятные воспоминания. В такое время хорошо отправиться куда-нибудь поближе к воде, послушать шелест неторопливых волн или просто посидеть в хорошей компании. Кто-нибудь начнет рассказывать новую историю и сам даже не заметит, как вдруг наступит тишина и все станут внимательно его слушать. Но не потому, что верят, а потому, что история нравится.

На песчаном берегу Великого океана сидел в сплетенном из морских лиан кресле Скит Йонтра. Внешностью своей он более всего походил на осьминога. Вот только у него не было мантии*, а довольно внушительный, чуть изогнутый острый клюв находился в передней части головы, как у птиц. Прямо перед ним стоял гладко отполированный, массивный мраморный стол, а еще дальше, просто на песке, располагались кому как удобно слушатели. Среди них были жители не только Тэи, – планеты, на которой сейчас все и происходило, – но также обитатели и иных миров. Скит Йонтра был умен, образован, начитан. Но главное, он умел и любил рассказывать истории. При этом, не слишком доверяя тому, что говорили другие, он рассказывал лишь о том, что видел собственными глазами. Щупальцами своими Скит переворачивал страницы записей, которые иногда делал, чтобы не забыть нюансов событий, подчас весьма удивительных, свидетелем которых ему доводилось быть.

Слабый ветерок шевелил прибрежную траву и сумерки уже начинали сгущаться, когда слушатели историй наконец утомнились и сосредоточенно посмотрели на рассказчика. Так всегда почему-то бывало. Посетители сначала долго не могли успокоиться, а затем, как по команде все разом смолкали и начинали будто даже требовать: «Ну давай уже, тэянин, начинай свои сказки, рассказывай. А мы, твои гости в этот вечер, с удовольствием их послушаем». Скит пару раз, единственно из научного интереса, пробовал даже не то чтобы совсем отложить, но лишь хотя бы ненадолго задержать свой рассказ. Но не смог. «Это какая-то мистика, – думал он, – вот если и захочу я сейчас вдруг отказаться, то не смогу. А даже если бы и смог, то что бы было?» Впрочем, он так и не нашел ответа на этот вопрос и, покрутив его в голове так и сяк, отбросил как слишком запутанный.

Вдоль самой кромки воды пробежала ящерица, где-то вдалеке прокричала птица, вечерний бриз еще раз накатил теплой и влажной волной на берег. Угрюмый лес неподалеку, едва слышно зашумел. Странные лианы зашевелили своими протокорнями, пытаясь уловить частички питательной пыли, которая скапливалась около леса. Сам этот лес был отделен от океана довольно широкой полосой песка, поэтому слушатели историй могли не опасаться, лианам до них не достать. Да и лесные обитатели не посмели бы выйти на открытое место. Все же Тэя была планетой цивилизованной и им было намного спокойнее в своем мире, среди хмурых теней и непроходимых зарослей. Лишь изредка некоторые звериные морды буквально протискивались меж сплетенных в невообразимые узлы лиан и деревьев, осматривались с любопытством, неизменно задерживали взгляд на собравшихся разумных существах и, не найдя в них ничего примечательного, снова исчезали во мраке.

Скит Йонтра задумчиво посмотрел в сторону леса: «Что там творилось сейчас? Как-нибудь жуткие в своих проявлениях, примитивные эволюции дикой природы? Кто-то за кем-то гнался, кто-то прятался, а кто-то уже и ел». Скит поежился, чуть прикрыл веки, отчего-то грустно вздохнул и начал.

– Как-то раз, однажды... – Скит остановился.

Ему вдруг показалось, что начало рассказа было каким-то слишком уж обыкновенным. Впрочем, что было делать, действительно, «однажды», пришлось продолжать как есть.

– Однажды я, как обычно с утра, решил немного размяться и пока вода еще не прогрелась, поплавать в океане. День тот был пасмурным, но, однако, и теплым. Погода была ветреной. Взяв все что нужно, я пошлепал уже было к берегу, как вдруг вспомнил об одном важном деле. Оно казалось не таким уж и срочным, но все же требующим своего завершения. Пришлось мне возвращаться назад, благо, что я не успел еще далеко отойти от дома. И именно в тот момент внимание мое привлек странный свет, исходивший из моего сарая. Туда я обычно складывал всякие не слишком нужные в хозяйстве вещи, – те, что иногда бывает как-то жалко сразу отправить в мусоросборник. Но на этот раз, а именно за неделю до всех этих событий, я отнес туда «Зеркало отражений».

Тут Скит Йонтра смущенно улыбнулся, если то, что он изобразил своим клювом можно было так назвать и, вновь обратившись к публике, как бы с извинением повторил:

– Да, я отнес туда свое зеркало. Но прошу вас, не удивляйтесь и уж тем более не осуждайте меня. Ведь я не машина и не могу постоянно фиксировать то, что оно показывает. Все эти удивительные виды и события, катастрофы, от одного масштаба которых немеет сознание, причудливых животных и растения разных миров. Да много чего еще. Зеркало это, конечно, и притягивает, и поражает. Но и невероятно выматывает при этом. Собственно, поэтому я так и поступил. И знаете, – тут Скит Йонтра как-то растерянно поглядел вокруг, – мне действительно стало легче. Будто жизнь моя, которая в последнее время вся была буквально сосредоточена на этом зеркале, вновь стала налаживаться, постепенно возвращаясь к своему нормальному состоянию. И тут вдруг – опять!

Нисколько не сомневаясь, что свечение исходит от зеркала, я, уж и позабыв о своем деле, пополз к сараю. Как бы то ни было, а я – ученый, и должен в силу своей профессии хотя бы, если уж и не интересоваться всем необычным, то, по крайней мере, что-то с этим делать. Решив, что ограничусь простым описанием увиденного, я вошел. В полумраке свет оказался почти слепящим. К тому же он не был белым, как обычно при начале взаимодействия с зеркалом, а сразу каким-то зеленым, фиолетовым и красным. Точнее сказать, зеркало переливалось различными цветовыми оттенками. «Ну что же, – сказал я себе, нехотя усаживаясь перед ним, – будем фиксировать. А заодно, – тут у меня возникла меркантильная мысль, – может, и своих слушателей как-нибудь побалую новой историей».

И Скит с легкой улыбкой окинул взглядом аудиторию в надежде найти у нее поддержку своим действиям. Но, к своему разочарованию, не нашел ничего такого. Слушатели смотрели на него совершенно спокойно, словно даже и не заметив этого его игривого намека. “Кхм, – откашлялся Скит, сразу посерьезнев, – ну, в таком случае, продолжим-льк”.

– Зеркало стало меркнуть. Но одновременно в нем начали проступать и иные помимо света, уже более определенные очертания и формы. Сначала я различил лишь какую-то пирамиду. Собственно, это она и светилась так ярко вначале. Потом увидел, что пирамида эта не стояла на поверхности планеты, как ей и положено было бы, а парила в воздухе, ничем не поддерживаемая. Вокруг нее, и это было, пожалуй, самым странным, простирался обычный, в общем-то, пейзаж. Озеро внизу, в котором плавали какие-то рыбы. Берега вокруг, покрытые травой. Животные, деревья, растения всякие. А еще выше, как наверное и полагалось, насыщенное кислородом, отчего и светло-голубое небо. Вот, собственно, и все. И чего же тут такого странного, – вполне резонно спросите вы. Да и ничего, не менее резонно отвечу я вам. И все же, что-то тут было не так.

Однако, сам по себе кристалл, ну, то есть пирамида в форме тетраэдра, не представлял из себя ничего слишком уж необычного, да и живописный пейзаж вокруг казался самым что ни на есть обыкновенным. Станным тут было и это я тогда как-то сразу почувствовал, сочетание

этих двух частей общей картины. Ну что за чепуха, скажете вы, – природа, озеро и вдруг какой-то кристалл. И именно чепуха, отвечу я вам. Да-а... – тут Скит Йонтра снова отвлекся, мечтательно вздохнул и, словно вспоминая о чем-то, продолжил. – Уж чего я только не видел в этом зеркале за те сто сорок лет, что владею им. Каких только миров, прекрасных и удивительных, и даже тех, от которых кровь стынет в жилах. Все уже, наверное, видел я в нем, и кстати, – он немного оживился, – и природу такую тоже видел. На планете одной. В дальнем-дальнем захолустье одной из гигантских Галактик, в третьей четверти ее малого рукава. Ее еще «Землей» называли местные обитатели. Но, то давно было. Впрочем, уверен, что и сейчас эта, так сказать «Земля» еще существует, и на нее, наверное, можно было бы и посмотреть.

Тут Скит Йонтра снова обвел взглядом слушателей, как бы предлагая им это. На этот раз взгляды обращенные к нему, были уже более благосклонными и несколько рук, лап и щупалец поднялось вверх. “Так, хорошо, – щелкнул клювом Скит, – после истории, милости прошу в мой... кхм, сарай. Но, однако, продолжим-льк”.

– Любовался я на эту картину около получаса. Все зафиксировал как и полагалось. Кое-что добавил и от себя в качестве примечания. Отчет получился хорошим. «Отправлю его в планетарный совет завтра», – решил было я. И только что собирался встать и уползти, как мой у-переводчик вдруг просипел мне на ухо: «...нет, сегодня обедать уже не будем. Будем играть...» Я замер. Щупальца мои как-то сами собой подогнулись и я сел ровно на то место, откуда только что хотел подняться. «Это еще что за фокусы», – сказал я себе. После чего стал пристально вглядываться в зеркало, стараясь определить, откуда исходила эта, к слову сказать, совершенно разумная речь. Тетраэдр я отбросил сразу, ему и говорить-то было нечем. Телепатические же сеансы зеркало отражений, как известно, не передает. Рыбы в пруду, – ну не знаю. А даже если и так, то вода все равно погасила бы звуковые колебания и я опять-таки ничего не услышал. Животные? Но разве животные умеют говорить? И тут, словно бы нарочно опровергая мою мысль, к точке обзора зеркала приблизилась какая-то тварь, больше похожая на лао (огромную кошку), встала на задние лапы, жеманно так наклонила головку и сказала кому-то там, кого я не видел: «А я тебя люблю».

Ну вы представляете, – Скит посмотрел на слушателей нарочито торжественно, – что я мог тогда почувствовать. Удивление? – это почти ничего не сказать. Я практически остолбенел. Ну сами посудите, разумное животное! Как вам такое, чудеса? Пожалуй. Вот так я и сидел примерно с час, а возможно и дольше, слушая их трескотню. Говорили они, как оказалось, много. Причем, в основном, говорили самочки. Самцы же, как наверное и полагалось, проявляли большую сдержанность и только степенно расхаживали вокруг озера, а на досужие разговоры своих соплеменниц лишь поводили ушами. Несколько раз к ним забегал перебраться парой слов какой-то представитель песьих. Но они, видимо, не слишком-то ладили, потому что он довольно быстро исчезал среди деревьев, унося с собой, впрочем, весьма вежливые пожелания доброго пути и приятного настроения. Даже птицы, на которых я и вообще поначалу не обратил никакого внимания, как оказалось, также вносили свою лепту в эти звериные диалоги. Их фразы, однако, были чаще всего односложными и состояли в основном из одних междометий. Все бы, наверное, так и продолжалось, не принеси с собой один из кошачьих самцов огромный видеофон. Притащил он его прямо так, на лапах. Но к озеру он добрался все же на какой-то парящей над поверхностью земли машине. Сквозь деревья мне было трудно рассмотреть. Он, по всей видимости, был богач, потому что вел себя еще более важно чем другие «коты», курил маленькую сигару и носил монокль. Самочки так и крутились вокруг него и все щебетали: «Новая мода, новая мода» и «ах, какое видео!» Водрузив видеофон на прилаживающуюся к тому подставку, щеголеватый кот уселся напротив и стал щелкать пультом. К счастью, со своей точки обзора мне было хорошо виден экран устройства и прекрасно слышен звук. Устройство начало вещать:

«Сегодня у нас большой праздник. Мы празднуем 1000-ю годовщину освобождения. Люди, которые так долго были нашими хозяевами, избавили нас от своего назойливого попечения и возвысились до измерений, нам не доступных. Однако, как стало известно, и наши ученые преподнесли нам этот подарок ко дню праздника, – люди всего лишь попали в ловушку интеллектуального бесплотного измерения, которое они сумели развернуть и которое поглотило их всех без остатка. Мы же, звероиды, всегда будем такими, как есть и не отойдем от принципов и связей, которыми наградила нас мать-природа. Великие люди древности поняли это и смогли отказаться от сияющей чистоты бесплотного разума. Они поклонялись богам, не утратившим связей с прародительницей, полулюдям-полузверям: Анубису, Гору, Бастет. Они видели безграничную пустоту отвлеченного разума и отвернулись от нее. Но в память о своих достижениях они построили правильные пирамиды. Поздние люди забыли про четвертый угол в основании идеальной био-геометрической фигуры и Тетраэдр поглотил их. Основы бытия в виде знаний, надежды и веры оказалось недостаточно, чтобы удержаться в четырехмерном мире. Вечная память». «Кот» наблюдавший за изображением, удовлетворенно муркнул что-то себе под нос и переключил канал на развлекательный. Самочки также оживились и о чем-то защебетали.

Вот, собственно, и все, – спокойно произнес Скит Йонтра. – Конец истории и конец цивилизации. Очень жаль. А ведь люди, судя по их прошлому, могли бы многого достичь. Теперь же их домашние питомцы правят той планетой и стали равными богам, которым их хозяева некогда поклонялись.

Из прибрежного леса высунулась очередная звериная морда и в который уже раз за этот вечер уставилась на собравшихся разумных существ. «Интересно, что у него в голове, – подумал Скит и сам же себе ответил, – скорее всего ничего. Но может ли такое быть, чтобы вообще ни одной ясной мысли, а только инстинктивно-рефлекторный мрак?» Однако на этот вопрос, покрутив его в голове так и сяк, он не смог найти удовлетворительного ответа.

Слушатели историй начали понемногу расходиться, о чем-то, как всегда, переговариваясь и украдкой поглядывая на рассказчика. Скит же не спеша собрался и пополз, но не домой. Туда ему отчего-то совсем не хотелось. Он пополз к Великому океану, где, собственно, и это он уже твердо решил, проведет не только вечер, но и ночь. Где, медленно погружаясь в крошечную мглу, будет думать о бедных людях, так восхищавшихся своим разумом, но не заметивших единственной ниточки, связывавшей их с материальным миром, которая все истончалась, истончалась и наконец порвалась. Больно и обидно. Такой полет мысли и такая простая ошибка, сделавшая бессмысленным все.

Давление воды все сильнее сжимало тело Скита Йонтры. Он же, будто и вовсе не обращая на это внимания, а также на опасное уже покалывание по всему телу, продолжал думать об исчезнувшей цивилизации. Звезды померкли и даже Зимнус – спутник Тэи, всегда такой яркий в это теплое время года, почти исчез, поглощенный колышущейся толщей воды. Скит же все опускался. Его словно притягивала к себе черная бездна глубины. Будто именно там и находились все ответы на мучившие его вопросы, покой и безмятежность. Опасность ему не угрожала. Он знал, что не сможет без собственных усилий опуститься на предельную глубину откуда уже не будет возврата. Хищные же обитатели пучин Великого океана были ограждены от него угле-пластиковой сеткой, протянутой вдоль всего побережья. Тэяне очень заботились о своей безопасности. А также о безопасности туристов, посещавших их планету и приносивших немалый доход казне. «Безопасность, безопасность, что может быть приятнее, но и опасней тебя, – думал Скит, – ведь отгораживаясь от природы, мы тем самым встаем на путь самоизоляции и опустошения себя самих. Не лучше ли открыться и, может быть даже погибнуть, но все же вдохнуть полной грудью воздух свободы, почувствовать первобытный восторг жизни, каждого ее мгновения?»

В далекой Галактике, в звездном скоплении Мер сияла оранжевым светом звезда Ли, вокруг которой вращалась обитаемая планета под названием Тэя. На восточной стороне этой планеты сейчас была ночь, но вскоре там снова наступит день, а за ним придет и вечер. И один маленький черный осьминог выберется из Великого океана на песчаное побережье и начнет рассказывать свои удивительные истории, подсмотренные им в одном странном зеркале, которое он хранит в потрепанном ветрами и временем сарае.

*Мантия – большая овальная часть тела осьминога в тыльной стороне его головы.

2. АВВЫ

– С героями моего нового рассказа, – начал Скит, – я познакомился довольно давно, причем при весьма любопытных обстоятельствах. Однако сама история, которую я собираюсь вам рассказать сегодня и к которой они имеют непосредственное отношение, будет, пожалуй, поинтересней. Но кто же они такие, – вполне можете вы спросить. А это те самые пришельцы тут (а пришельцами жители Тэи называли всех инопланетян, посетивших планету), которые обычно раньше всех появляются на моих вечерах и позже всех уползают с них.

Публика зашушукалась, однако взгляды слушателей стали постепенно перемещаться от рассказчика к задним рядам, где, как это обычно и бывало, тихо и незаметно, не привлекая к себе излишнего внимания, располагались Аввы. Странные по-своему существа, но вполне миролюбивые и добродушные. Многие могли бы даже поклясться, что за всю свою жизнь не слышали от них ни единого слова. И даже у-переводчики, которыми бесплатно снабжались все посетители Тэи, время от времени посылали короткий, довольно неприятный пищащий сигнал, в попытке определения являлись ли они разумными, если кто-либо имел неосторожность заговаривать с ними.

Аввы были непреклонны. Ни дождь, ни снег, ни изрядные перепады температуры, которые случались на Тэе время от времени, не могли поколебать невозмутимого их вида и нарушить величественного их молчания. Кто-то даже однажды пытался провести эксперимент с целью вывести их из себя. Но потерпел не только неудачу при этом, но и был еще немало пристыжен, поскольку Аввы легко раскусили незадачливого экспериментатора и определили, что истинной его целью был вовсе не научный интерес, а удовлетворение простой раздражительности, вызванной ощущением собственного ничтожества рядом с такими аристократически-сдержанными существами. Внешне Аввы более всего походили на больших черных слизняков. Однако, и во-первых, у них были три пары глаз, вполне развитых физиологически, во-вторых, они были очень сильны, хотя и проявляли при этом не менее удивительную гибкость. И в-третьих, сила их была весьма необычного свойства. Их можно было гладить или даже трепать по-дружески. Но если кто-нибудь по какой-либо причине решался ударить Авву, то в ответ получал, нет, не удар даже, а своего рода жесткую отдачу, как от удара по невероятно большому и тяжелому камню. Обычно после такого нападавший сразу как-то сникал и никогда более уже не решался повторить что-нибудь подобное.

Вот и на этот раз Аввы были совершенно спокойны и невозмутимы, несмотря даже на то, что стали объектом всеобщего внимания. А Скит тем временем продолжил:

– Да, вот они самые как раз и есть, эти Аввы, – едва заметная усмешка, впрочем, вполне добродушная, промелькнула по его лицу. – Вот, полюбуйте только на них. Сидят себе спокойно, как ни в чем не бывало. А ведь я уверен, что они уже знают, о чем я буду рассказывать сегодня и приготовились к этому. Но поскольку многие из вас, – он обратился к остальной аудитории, – не обладают достаточными телепатическими способностями и не принимали участия в известных событиях, то надеюсь, что сегодняшней мой рассказ будет для вас и нов, и интересен.

На этом Скит завершил вступительное слово. Потом выпил немного солоноватой воды, зачерпнутой им прямо из Великого океана, прокашлялся, щелкнул клювом, приосанился и продолжил:

– Дело шло к войне. Многие из вас, конечно, помнят тот политический кризис, который разразился между Активантами и Аввами три десятка лет тому назад. Многие даже помнят, наверное, что тогда, в общем-то, все закончилось ничем. И многие, конечно, сразу позабыли тот неприятный инцидент, явно недооценивая его значение не только для нашего звездного скопления, но и для всей центрально-галактической области. А ведь история тогда случилась

действительно опасная. Я же, как вы наверное уже догадались, в то время пристально следил за развитием событий. И зеркало отражений мне в этом очень помогало.

Началось же все с одного, совсем незаметного заявления, сделанного кем-то из представителей руководства Активантов о том, что «жизнь – есть движение». Ну, казалось бы, что тут такого? Мы и так все прекрасно знаем, что любая форма жизни порождает двигательные процессы, которые, в свою очередь, ведут к нарушению термодинамического равновесия изолированных систем. Однако, мало кто слышал, наверное, да я и сам не узнал бы без зеркала ничего о том, что Активанты пошли намного дальше в своих рассуждениях. А именно, что стали утверждать, что пассивные формы жизни – есть формы жизни низшие, а значит должны быть подчинены формам жизни более активным и, как они считали, более приспособленным к окружающим условиям. Преобразование – вот был их главный лозунг тогда. И именно преобразование мира они считали главной целью любого живого существа. С сильнейшим метаболизмом, скоростью реакции и мыслительных процессов, Активанты были весьма опасными противниками. Ибо почти сразу по достижении вышеперечисленных логических выводов, они начали готовиться к войне.

Многие планеты пали практически без боя. И вот, уже почти половина нашего звездного скопления, спустя всего какой-то десяток лет, уже находилась под полным контролем Активантов. Впрочем, нужно отдать им и должное, воители они были отменные. Да к тому же еще и управляли захваченными мирами довольно успешно. Многие даже стали поговаривать тогда, что их правление есть благо, да и вообще, что сопротивляться им было все равно, что сопротивляться прогрессу и развитию. Создана была даже своего рода межпланетная политическая партия, поддерживавшая их. Весьма влиятельная и представительная, причем, как ни странно, и в тех мирах, которые еще не были захвачены Активантами. И вот наконец, когда их полная победа за контроль над центральными областями Галактики была почти достигнута, они вдруг вспомнили о планете Авв, на которую в свое время даже и не обратили особого внимания. Теперь же она находилась едва ли не в самом центре их новоиспеченной империи. А значит терпеть такой островок запустения и отсталости, как они считали, более было совершенно невозможно. Снарядившись всем необходимым и получив мощный заряд вдохновения от своего лидера Фира Славного, произнесшего пламенную речь со столба Победы у собора Всеобщего Преобразования, Активанты буквально ринулись завоевывать новую планету.

Однако, приблизившись к Лоре-9 (планете-обиталищу Авв), Активанты неожиданно остановились и прекратили подготовку к уже запланированному вторжению. Дело было в том, что вместо нацеленных на них мазеров и ядерных ракет они обнаружили неизвестное им доселе свечение. Ранее, пролетая в непосредственной близости от этой планеты, они ничего подобного не замечали. А поэтому решили все же перестраховаться и узнать с чем имеют дело. Я же, пока они сканировали неизвестный им планетарный щит, не отходил от своего зеркала и хотя и не мог непосредственно проверить то свечение, но лихорадочно пытался хотя бы мысленно определить его природу. А подумать тогда было над чем. Дело в том, что прежде я уже где-то видел это голубовато-искрящееся поле, равномерно отклоняющееся от видимо равновесной геометрии и также плавно восстанавливающее свою первоначальную форму. Словно дышащее, оно напоминало мыльный пузырь, укрывавший планету со всех сторон.

Отчаявшись вспомнить, я обратился к своему архиву, который благодаря многолетней привычке вел уже почти автоматически и который не раз выручал меня в подобных ситуациях. «Ну вот, – сказал я себе, прокопавшись в пергаментных свитках около получаса, – так и есть. Вот граффити этого поля. Четырехмерное, мультиспекторное». Все как и полагалось при протоколировании научных наблюдений. Однако, радость моя почти в ту же секунду улетучилась, потому что то, что я обнаружил под снимками, прямо-таки пригвоздило меня к полу. Сингулярность. Да-да, представьте себе, именно область сверх-гравитации и сверх-плотности, где

элементарные частицы, разрывааемые силой притяжения, разлетаются в разные стороны, создавая сильнейший ультрафиолетовый фон.

«Бедные Активанты, – подумал я, – ведь стоит им лишь приблизиться к этому полю, как – все. Или разрыв материи, или полная аннигиляция. В любом случае, нечто катастрофическое». Однако, уж не знаю почему, но захватчики, видимо, не обнаружили ничего опасного в том, что было перед ними и, помешкав еще немного, как ни в чем не бывало, продолжили наступление. «Вот и все», – лишь промелькнуло у меня в голове. Я зажмурился, но когда наконец снова открыл глаза, то едва только не лишился дара речи, – Активанты уже прошли сквозь голубовато-искрящееся поле и высаживались на планете Авв. «А вот теперь, похоже, действительно все», – сказал я себе вновь, но уже, как вы понимаете, в несколько ином смысле.

Чудеса, впрочем, на этом не закончились. Самое интересное было еще впереди. А знаете, что это было? Нет? – Скит даже щелкнул клювом от удовольствия в предвкушении, как сейчас поразит своих слушателей. – А ничего, – продекламировал он почти что по слогам и уставился на аудиторию.

Посетители зашептались: «Но, как ничего? Ведь что-то же должно было произойти. И почему ничего? Как это?» А Скит, удовлетворенный произведенным впечатлением, продолжил:

– Да вот так-льк, ничего. Конечно, Активанты пытались подчинить себе Авв. Но все их попытки не увенчались решительно ничем. Сначала они их уговаривали и, как вы можете легко догадаться, не получили никакого ответа. Затем стали угрожать – с тем же результатом. А потом, и вот в этом-то как раз и заключалась их главная ошибка, начали их бить. Но только отбили себе все лапы и поломали палки и шесты (обычное оружие Активантов для подобных ситуаций). Наконец, они уже по-настоящему разозлились и стали применять мазеры. И вот тут произошло то, чего Активанты уж никак не ожидали.

И энергетические лучи, и снаряды, и даже ударные волны со вспышками от ядерных взрывов отражались от Авв, как от зеркал. Мало того, отражать стал еще и тот искрящийся барьер, окутывавший планету. И если бы захватчики вовремя не остановились, то и от них самих мало чего осталось бы. Распаяясь в бессильной злобе, они стреляли все больше и больше и... как оказалось, лишь по самим себе. Весьма потрепанные, понесшие огромные потери в живой силе и технике, и что самое худшее – морально надломленные, Активанты вернулись на свою головную планету. Впрочем, через некоторое время были предприняты еще две или три попытки вторжения, однако все с тем же плачевным результатом.

Что было потом, вы все прекрасно знаете: в среде Активантов случился раскол, Фир Славный был низвергнут, собор Преобразования разрушен. А Империя, столь динамично развивавшаяся, была разделена на несколько частей, которые, правда, почти как части разбросанного костра, еще тлели некоторое время, но вскоре одна за одной уже окончательно угасли. Чему я, – тут Скит Йонтра даже немного выпрямился, – очень рад. И за наших удивительных гостей, – тут он повел щупальцем, указывая на совсем уже застывших на задних рядах Авв, – рад также.

И дабы выразить свое неизменное восхищение, Скит три раза громко щелкнул клювом: “Так-льк, так-льк, так-льк”. И вывернул тыльной стороной вверх правое щупальце (что было по этикету Тэи жестом наивысшего расположения). Публика также защелкала, засвистела и зааплодировала. Все были воодушевлены и восхищены удивительными способностями и стойкостью пришельцев, таких неуклюжих и даже немного нелепых в своей бесформенности и неповоротливости.

Аввы же не проявили ни к прослушанному рассказу, ни к восторгам публики абсолютно никакого почтения. Напротив, как-то уловив, что вечер уже завершен, они тихонько приподнялись со своих мест и поползли по направлению к флаерам.

– Стойте, ну стойте же, – не выдержал теперь уже Скит Йонтра, – ну обратите внимание-то. Ведь вас любят, вами восхищаются, вами...

Но никакого ответа не последовало. Лишь с гулким бормотанием зашуршал оторвавшийся от песка очередной флаер, унося с собой последнего Авву. “ Вот истуканы! – уже по-настоящему разозлился Скит. – Ну вот что им стоило, ну хоть капельку учтивости выказать? Ведь вечер удался и рассказ получился хорошим. А они...”

Свернув шупальца и уже не щелкая, Скит направился к своему дому. Полз он тяжело и даже песок, обычно неслышный, сейчас скрипел и хрустел под ним, придавленный грузным телом тэянца. «Ну вот что им стоило, ну чего они так?» – крутилось у него в голове. А откуда-то из глубин подсознания медленно поднималось неприятное чувство. Несколько раз он подавлял его, но в конце-концов все же не выдержал, остановился и произнес уже вслух: «Горт бы их побрал! Нужно, все же нужно было Активантам их...» Но так и не осмелившись договорить крамольную фразу и вновь тяжело вздохнув, лишь только продолжил свой скорбный путь.

3. Радуга

– Цвета, цветы, радуга! – Скит Йонтра восхищенно поглядел вверх на небо, потом куда-то вдаль. Понюхал воздух и провел щупальцем над линией горизонта по тому месту, где могла бы быть при дождливой погоде или сразу после дождя, радуга. – Вы видите, что там есть? Видите, как прекрасны закаты на моей планете. Вы, которые прибыли из разных миров и видели свои закаты и, уверен, храните их в памяти, как одно из прекраснейших явлений природы. Этот красный, он ведь везде. Он скользит по нижним кромкам облаков, проникает вглубь леса и раскрашивает поверхность океана. Отбрасывает тени от ваших фигур и едва, чуть заметно согревает ваши спины. Цвет звезды, дарящей нам жизнь, цвет отфильтрованного атмосферой спектра, живительное тепло и покой. Тысячелетия, вплоть до миллиона лет, он дарил моим предкам мир и защиту, когда сидя у своих примитивных очагов они готовили себе пищу. А едва лишь познав губительную силу огня, танцевали вокруг ночных костров и отпугивали горящими головешками диких зверей. Цвет тепла, цвет мира. Но и цвет крови, когда Древние нападали друг на друга в тщетных попытках самоутверждения и захвата власти. Но разум постепенно смягчил их нравы. И теперь мы уже не боремся за территорию или ресурсы, а умиротворенные окрепшим разумом, наслаждаемся все вместе и каждый по отдельности тем, что дарит нам наша планета. Великая и прекрасная Тэя – мир тебе.

Скит Йонтра поднял вверх два щупальца, вывернув их тыльной стороной наружу, и склонил голову. Потом, спустя непродолжительное время снова ее поднял, посмотрел вокруг, немного развернулся и продолжил.

– Оранжевый. Цвет прекрасных, сочных плодов дерева Маа, цвет еще не застывшей лавы вулканов западного полушария, цвет магмы Тэи, питающей нас подземным теплом и полезными ископаемыми. Цвет рудного золота – единственной твердой валюты звездного скопления Мер, цвет славы и богатства. Это цвет прекрасных бутонов Лоренции, раскрывающей свои лепестки на рассвете и в первую полночь после равноденствия. Это цвет пчел Молли, опыляющих эти цветы и приносящих такой вкусный и ароматный мед. Это цвет удовольствия и начала новой жизни.

А вот и желтый – Скит повел щупальцем вдоль линии песка, на которой располагались гости и которая, изгибаясь дугой, тянулась вдоль всей линии побережья насколько хватало глаз. – Цвет измельченного эрозией кварца, цвет океанического дна на плато и в прибрежных областях. Это цвет световых отблесков нашей звезды, а также цвет самих звезд, но не всех, а только средне-массивных, то есть именно тех, рядом с которыми и возможна жизнь. Такова, например, наша Ли, – звезда, породившая такую прекрасную планетарную систему. Звезда, вокруг которой, как пчелы вокруг улья, теперь вьются, уживаясь на разных ее спутниках, планетах и орбитальных станциях миллиарды и миллиарды живых существ. Они имеют своим происхождением не только Тэю или Зимнус, но также и иные звездные системы, возможно не менее прекрасные, но все же и не такие притягательные, как наша.

Зеленый, – тут Скит Йонтра немного помолчал, задумавшись о чем-то, – да, зеленый, – продолжил он, но уже тише. – Цвет леса, цвет первородной химической реакции – прародительницы жизни. Цвет далеких наших предков, все еще населяющих Великий океан и застилающих своей листвой равнины и горы суши. Мы, тэяне, почитаем этот цвет основным цветом живой природы. Мы давно дали священный обет никогда не отказываться от этого цвета и всегда помнить о тех, кого природа не одарила развитым сознанием. Тех, кто так и остался пусть хотя и примитивным, но от этого не менее ценным обитателем Тэи. Растения, насекомые, животные, рыбы – они все для нас священны. И если мы кого-то и употребляем из них в пищу, то лишь для того, чтобы просто утолить свой голод и всегда благодарим при этом Творца за принесенный нам дар. Зеленый – это цвет морской волны накатывающей в сумер-

ках на пустынный берег, это цвет космоса, если смотреть на него с высоты пяти тысяч орр, это цвет последнего луча заката, мелькнувшего среди заснеженных горных вершин. И это цвет надежды, что звезда наша скоро вновь вернется и будет новый день, и будут радость и тепло. Это цвет светлой грусти.

О голубом мне вам, уважаемые гости, и рассказывать-то нечего. Ведь вам достаточно лишь просто поднять голову и увидеть наше прекрасное в своей незамутненной чистоте, яркое, светлое, голубое, удивительное небо. Но голубыми могут быть также и морские пучины, и цветы, и рыбы, и многое из того, о чем я уже говорил. Интересно также еще и то, что голубыми могут быть и некоторые звезды. Вот сейчас уже скоро начнет темнеть и вы сможете увидеть вон там, чуть левее Миранды, маленькую яркую точку, – Скит указал шупальцем на небо. – Да, вот там, примерно. Это ближайшая к нам голубая звезда – Мир. Он очень большой и горячий, размером и температурой своей превосходит нашу Ли раз в десять. Но и жизнь его при этом куда более скоротечна. Хотя по сравнению с нашей с вами и беспредельно долга. Мы, тэяне, давно и внимательно наблюдаем за ним и даже послали туда несколько исследовательских радио-зондов с целью обнаружения вероятностных полярных гамма-выбросов. К тому же Мир, насколько мы знаем, весьма нестабилен и может через пару десятков миллионов лет вспыхнуть сверхновой. Но, – Скит смущенно посмотрел на аудиторию, – мы все же надеемся, что этого не произойдет. Мне же осталось лишь только добавить, что голубой, это чаще всего цвет кислорода, газа не слишком распространенного во Вселенной, но такого необходимого для нашего с вами метаболизма.

В этот момент в левом ряду кто-то нервно заерзал. Скит заметил это и рассеянно, словно занятый иными мыслями, добавил: “Да-да, к симрикам мои последние слова не относятся. Вы и прилететь-то сюда не смогли бы, если бы не физио-катализаторы, которые позволяют вам вот тут сидеть вместе со всеми и слушать мои, кхм... истории”.

– О синем я долго рассуждать не стану, дабы не утруждать вас повествованием о незначительных его спектральных отличиях от голубого. Скажу лишь только, что это цвет предельной для меня морской глубины, а также цвет самого страшного в мире яда, когда-либо изобретенного живым существом. X8, как вам известно. Кто его изобрел и зачем мы не знаем. Знаем лишь о его действии и до ужаса примитивной химической формуле. Ужас тут как раз и заключается в простоте его синтеза, и что даже ребенок, имеющий начальные представления о химии, может его получить. Противоядия к нему, как известно, не существует. А единственное, что нас с вами всех спасает от нелепых случайностей или безумных замыслов иных, кхм... членов нашего общества, так это лишь диагностика. Уж больно легко его обнаружить, и кстати, именно по цвету, который он, что вы также знаете или должны знать, никогда не меняет. От себя могу только добавить, что синий вызывает у меня по этой ли причине или по какой иной, лишь отторжение и опаску.

Фиолетовый. Для меня это цвет перемен. Сами посудите, ведь именно ультрафиолет – двоюродный брат, так сказать, этого цвета, как раз и отвечает за наши с вами эволюционные изменения. Выбивая нуклеотиды из полимерных мегамолекул, он тем самым меняет наше потомство, что в конечном счете ведет к изменчивости видов и появлению новых, куда более совершенных с биологической точки зрения существ. И если ранее этот процесс был хаотичным, зависящим от многих случайностей, а потому и нестерпимо долгим, то сейчас мы уже полностью контролируем изменчивость, хотя и даем живым организмам, некоторую свободу в выборе изменений. Ведь мы все же не боги и не можем заранее знать к чему приведет та или иная мутация. Но посмотрите на небо, – Скит повел шупальцем по небосводу, описывая дугу. – Что вы там сейчас видите? Не фиолетовый ли? Посмотрите внимательнее.

Аудитория зашумела. И вправду, небо Тэи с приближением ночи стало отливать если и не чисто фиолетовым, то каким-то фиолетово-черным оттенком. И да – это действительно было красиво. Мириады звезд, от самых маленьких до очень ярких блестели на небосводе. Свет

зари восходящего Зимнуса отбрасывал на восточную часть неба сиреневый отблеск, а остатки заката недавно скрывшейся за горизонтом Ли все еще окрашивали запад лилово-багровым.

– Вот, – продолжил Скит, – посмотрите внимательнее и вы увидите там все цвета радуги от красного до фиолетового, от зеленого до желтого, от синего до оранжевого. Это и есть наш мир, мой мир, мир моей планеты. Ну а мы с вами, – он опустил голову и обратился непосредственно к слушателям, – всего лишь маленькие частички этого беспредельного, пусть иногда и жестокого, но удивительно красивого мира. И извините меня, что сегодня я немного увлекся и не рассказал вам ни одной новой истории. Но я не мог поступить иначе. Ведь мои истории не только невозможны без всего этого, – он вновь повел щупальцем по небосводу, – но невозможен был бы и я сам, и вы, и все, что мы знаем. Ну а цвет, – что цвет? Без него, наверное, можно было бы и обойтись. Вот только, что бы это был за мир – серый, унылый, быть может, даже в чем-то и более правильный, и более нормальный, чем наш. Однако ответьте себе на вопрос, хотели бы вы жить в таком мире или предпочли бы остаться пусть немного и сумасшедшими, но видеть мир именно таким, раскрашенным всеми цветами радуги.

Аудитория захлопала. Несколько десятков совсем уже черных в это позднее время глаз смотрели на рассказчика с интересом и благодарностью. Никто, конечно, сейчас и не вспоминал о зеркале отражений, откуда Скит черпал свои нескончаемые истории. Всем и так было хорошо. Расходясь, публика все еще шушукалась и время от времени поглядывала на небо. А черный старый осьминог так и остался сидеть на своем месте. Да и зачем было куда-то ползти, ведь земноводным лучше всего было именно там, где сходились вода и суша, там где были мокрый песок и брызги от набегавших на берег соленых волн, там, где их никто и никогда не станет искать.

4. Лед

– Астероид был большим. Конечно, не самым большим, но, однако, весьма солидным по сравнению с другими такими же, что находились во внешнем поле планетарной системы Фимма. Примерно пятьсот орр в поперечнике и полторы тысячи в длину. Медленно поворачиваясь вокруг кривой оси, он был похож на гигантского зверя, нехотя переваливающегося с боку на бок в своей холодной, мрачной пещере. Темнота космоса только усиливала это впечатление, а искрящаяся от магниевых вкраплений обращенная к звезде сторона его лишь завершала эту страшную, немую картину. И весом своим, и скоростью безымянная глыба почти не отличалась от современного звездолета. Вот только она была неуправляема, а значит ничего не могла нести с собой, кроме потенциальных разрушений и хаоса.

Я наблюдал за ней уже почти месяц. Еще с того момента, когда значительно менее крупный астероид, взявшийся неведь откуда, выбил эту махину с удаленной экваториальной орбиты, после чего ее как из баллисты швырнуло сначала в сторону, а затем и к центру той планетарной системы. Мой компьютер тогда сразу выдал примерную траекторию ее движения и обозначил несколько точек потенциальных столкновений с планетами ближнего орбитального радиуса. Чуть погодя, когда глыба вылетела из сонма таких же как и она, но пока все еще спящих монстров и траектория ее стабилизировалась, я повторно перепроверил данные. Все точки возможных столкновений были отброшены. Все кроме одной. Это был спутник газового гиганта из среднего пояса системы. И хотя такое случается крайне редко, все же эти спутники – тела малые и малозначимые, но который уже имел свое собственное персональное имя. «Лед», так назвал я его, – Скит деловито щелкнул клювом. – Ну и конечно, название это, как вы понимаете, говорило само за себя.

Весь покрытый льдом, это был небольшой даже для спутника объект, вращавшийся по неправильной эллипсоидной орбите вокруг, как я уже сказал, газового гиганта. Кстати, тот газовый гигант, что может показаться на первый взгляд и немного странным, не то что не удостоился персонального названия, но даже и не получил соответствующего порядкового номера в межзвездном каталоге. Открыв же тот спутник, я, к счастью, не ограничился лишь изучением его поверхности. А повинуясь скорее привычке проверять все до конца, чем элементарной логике, заглянул также и вглубь него, где и обнаружил еще кое-что. Но об этом чуть позже.

Сейчас же, уважаемые слушатели, позвольте мне рассказать вам о том, что было мной предпринято для предотвращения ожидаемого столкновения. Просто, боюсь, в противном случае мне вряд ли удастся избежать неприятных вопросов, которые вы наверняка задали бы мне по завершении этого рассказа. Но тут вы вполне можете спросить меня, а какое мне было дело, собственно, до того столкновения? Ведь подобные катаклизмы случаются едва ли не каждый день и даже наша планетарная система не вполне избавлена от них. Однако причина все же была, уж поверьте мне пока на слово.

Так вот, убедившись, что столкновение неизбежно, я отправился в свой родной Университет, где, как вы, возможно, знаете, до сих пор иногда читаю лекции, и подал им соответствующее заявление о подтверждении предполагаемого катаклизма. Вот копия этого заявления, – Скит насколько мог вытянул вперед левое щупальце и продемонстрировал всем довольно потрепанный лист пергамента с какими-то письменами и цифрами. Однако, не дав никому толком с ним ознакомиться, положил пергамент обратно на стол и, выказывая легкие признаки нервозности, продолжил. – Потом я направился в Министерство взаимосвязей с инопланетными мирами и подал им, как и полагалось, с достаточной уже аргументацией прошение о направлении в систему Фимма оборонительного корабля с целью уничтожения обнаруженного мной астероида, – Скит нахмурился. – Три раза подавал я им эти прошения, но они так ничего и не удосужились сделать, а реакция их ограничилась лишь какой-то нелепой отпиской, кото-

рую они направили мне спустя целый месяц после того, как стало уже слишком поздно. Сам же по себе, один, я ничего не мог предпринять и вынужден был лишь пассивно наблюдать за разворачивавшейся перед моими глазами катастрофой.

Скит остановился. Посмотрел в сторону, сжал щупальцем лежавший перед ним документ и, едва сдерживая раздражение, произнес: «Бюрократы проклятые!» Некоторым слушателям даже показалось тогда, что на глазах у него появились слезы, а в сторону рассказчик смотрел лишь для того, чтобы их скрыть. Впрочем, никто бы не мог за это поручиться, ведь повадки йонтра довольно трудно было до конца разобрать.

– Теперь же, уважаемые слушатели, – продолжил Скит успокоившись и с чуть деланной веселостью, – я расскажу вам о том, что обнаружил под оболочкой того спутника. «Лед» – назвал я его. Но это было, все же, не совсем точное название. Благодаря своему зеркалу я смог увидеть, что под почти трехтысячным в оррах покровом льда находился целый океан воды. И не просто океан, а океан соленый, теплый и главное, – обитаемый. Да, уважаемые слушатели, на том спутнике была жизнь, причем жизнь не просто развитая и многоступенчатая, а еще и, – он вновь на секунду прервался, – разумная.

Скит, вопреки своему обыкновению, начал медленно переползать из стороны в сторону, как это часто делают лекторы в Университете. Вот и он, подчиняясь старой профессорской привычке и, видимо, отчасти позабыв где находился, стал плавно перемещаться по утоптанному песку прибрежной полосы.

– Проведя во время наблюдений несколько визуальных экспериментов, – продолжил он, – я пришел к выводу, что высшей формой жизни на том спутнике были небольшого размера существа, примерно с меня ростом, с мощным хвостом и довольно развитыми передними конечностями. Весьма отчетливо выделенная, крупная голова их с явно развитым мозгом, делала этих существ весьма похожими на трианцев, которых вы все прекрасно знаете. К сожалению, – Скит поводит взглядом по аудитории, – сегодня их представителей нет здесь, но это и не важно. Назвал я этих обитателей Руллами, а ту, пусть немного и примитивную цивилизацию, которую они успели у себя создать, просто – Рулл. Скажу сразу, цивилизация эта и сейчас еще существует, от столкновения с астероидом она не погибла, но только, – Скит опять посмотрел в сторону, – утратила возможность развиваться. Но об этом позже.

Так вот, эти Руллы, уж не знаю даже каким образом, умудрились создать у себя не только целые города, но также и развитые политическую и экономическую системы. У них были и науки разные, и разного рода искусства. Я как сейчас помню те прекрасные образы, которые они лепили из доступных им материалов. Эти скульптуры или картины, их по-разному можно было называть, Руллы помещали в цилиндрические кварцевые колбы. По всей видимости для сохранности. Освещались же эти, не побоюсь этого слова, произведения искусства люминесцентным светом, исходившим от сине-зеленых водорослей, что росли там везде. Помню еще их подвесные дороги, сделанные из неизвестного даже мне полупрозрачного материала, выстланные неведомым же покрытием с чуть золотистым отблеском. Их малинового цвета дома, напоминавшие перевернутые воронки. Сады, полные фосфоресцирующих цветов. Деревья, колышущиеся всем стеблем от подводных течений. Университет, если его, конечно, можно было так назвать.

Помню даже их теоретические построения и две научные школы, в которые эти построения очень логично укладывались. Первая была основана на предположении, что их мир совершенно ограничен тем льдом, который покрывал их океан, и что за этим льдом ничего уже нет. Вторая же, напротив, исходила из предположения, что за этим льдом все же еще что-то есть, и что их мир ограничен лишь их собственными скудными знаниями, причиной скудности которых и был все тот же лед. Первые называли себя «ледовиками», вторые – «водниками». И, как это часто и бывает в академической среде, одни терпеть не могли других и всячески старались убедить всех, подчас даже и ненаучными методами, что именно их точка зрения была един-

ственно верной. Была там и своя промышленность. И механизмы, и машины всякие. Однако, по моим подсчетам, развитие всего этого хозяйства не могло позволить Руллам пробить толщу льда, покрывавшего их океан, и выбраться на свободу. Так они и обречены были прозябать в своем, хотя и вполне уютном, но таком ограниченном мире, ничего не зная о мире внешнем.

Теперь же насчет астероида. Он, естественно, продолжал свое движение. С какой-то холодной неумолимостью и все так же медленно поворачиваясь, он несся к своей цели. К собственной гибели и гибели той, едва только начавшей осознанное развитие, разумной жизни. Прошел месяц. И это был месяц, который мне, наверное, никогда уже не забыть. Ощущение собственной беспомощности, полное равнодушие властей, горячечные метания от зеркала к компьютеру в надежде найти ошибку в расчетной траектории. Все было напрасно. Я только себя задергал, да и своих коллег также, которые, к их стыду, приняли тогда позицию стороннего наблюдателя и ничем мне в сущности не помогли. Мало того, некоторые из них даже стали избегать меня и отворачивались, когда я проползал рядом. А иные и вовсе начали надо мной посмеиваться: «Вот чудаковатый профессор, – говорили они, – вбил себе блажь в голову, головастики спасать. На покой тебе пора, дедушка, на покой». Сказать не могу, как меня тогда злили эти их шуточки и перешептывания. Ну, – да ну их. Главное, впрочем и единственное, что мне тогда оставалось, это наблюдать. И надеяться, что проклятая глыба не принесет с собой все же фатальных разрушений.

Наконец наступил день катастрофы. И хотя это и могло показаться немного странным, но в тот день подводные жители вели себя отчего-то не совсем так, как обычно, словно бы предчувствуя, что что-то должно произойти. Они казались более молчаливыми, а их обычные веселость и игривость все куда-то незаметно исчезли. Музыка, почти всегда оживлявшая их сумеречный мир, была теперь уже не слышна. Лишь изредка какой-нибудь совсем уж беспечный Рулл включал какую-нибудь мелодию, но почти тут же ее выключал, и сам видимо, не слишком понимая почему. Даже растения подводного мира все тогда как-то сникли и обесцветились. Свечение же фосфоресцирующих водорослей практически и вовсе исчезло, отчего было лишь едва различимо в густых, совсем непроглядных сумерках. Ар, пол ара, десять ми и вот – удар!

Потрясенный до основания спутник весь сначала будто вздрогнул. Затем ударная волна, зародившаяся на темной стороне его, сотрясая лед и судя по трещинам и разломам издавая ужасающий треск, прокатилась по всей его поверхности. Осколки льда и растопленной от термического взрыва воды взметнулись в космос, рассыпаясь там мириадами разноцветных искр. Я же, хотя и находился в тот момент невероятно далеко отсюда, но также невольно поддался ощущению планетарной катастрофы, отчего и отпрянул от зеркала. Зрелище, представшее моему взору, было действительно страшным. Слепящий блеск воды, выброшенной вверх на десятки тысяч орр, растопленного льда и вместе с тем ужас подводных жителей, который я ощутил почти физически, буквально потрясли меня. И долго я еще наблюдал как замороженный за разразившейся перед моими глазами катастрофой. Однако, по прошествии примерно получаса, я стал замечать, что за осыпавшимися на поверхность спутника ледяными обломками и снежной пылью начали проступать черты почти и не изменившегося небесного тела. «Лед» был, конечно, потрясен, но далеко не разрушен. Лишь огромная сеть трещин паутиной разошлась по нему от места удара и покрывала теперь едва ли не половину всей его поверхности. На месте же столкновения зияла совершенно черная, округлая, очень глубокая дыра, постепенно заполнявшаяся подледной водой. Похоже было, что удар пришелся все же по касательной.

Настроив зеркало так, чтобы лучше видеть, я обнаружил, что вода в пробое поднималась все выше и, видимо из-за давления льда на океан, стала медленно вытекать наружу. Еще большим моим удивлением сопровождалось обстоятельство, что в той воде вместо осколков астероида, которые там, пожалуй, должны были бы находиться, оказались Руллы. Некоторые, к сожалению, мертвые, но многие, как это выяснилось уже чуть позже, лишь оглушенные, но

все-таки живые. По всей видимости, поддавшись своим предчувствиям, они каким-то образом сумели тогда себя защитить. На ум пришли мысли о некоем бункере или ином убежище, позволившем им пережить катастрофу. Впрочем, сейчас это было уже и не важно. Ведь если Руллы смогли пережить момент столкновения, значит, они смогут и дальше существовать. А, значит, цивилизация их не погибла, и поэтому все может быть и плохо, но все же хорошо. Я даже, помню, тогда запрыгал по комнате от радости. Налил себе горячего, что подарил мне один студент за... – тут Скит Йонтра вдруг как-то замер и удивленно посмотрел на слушателей, – впрочем, ничего, это не так уж и важно, – промямлил он после некоторой паузы. Потом весь снова подобрался, принял обычную позу, немного приосанился и продолжил.

– Да, радость моя была безмерной. Я даже стал подумывать, что теперь-то уже точно смогу убедить наших твердолобых чиновников обратить внимание на этот мир. И что, может быть, мы даже сможем организовать научную экспедицию на «Лед» с целью его исследования и помощи, а, возможно, и принятия в Сообщество развитых цивилизаций. Воображение стало рисовать картины всеобщего счастья, восторга и удивления, однако... Однако, глаза мои говорили мне об ином. Множество мертвых тел видел я. Едва шевелящиеся и с трудом приходившие в себя раненые, растекавшаяся по поверхности спутника вода, которая уже начинала по дальним краям покрываться ледяной коркой. Все это действительно пугало и заставляло поддаться самым острым чувствам горя и отчаяния. Я еще раз приблизил фокус зеркала к поверхности. Теперь я мог отчетливо видеть, что Руллы, из тех, кто еще способен был передвигаться, уплывали назад в пробой. Мертвые же оставались колыхаться наверху, пока их тела не схватывал своими цепкими объятиями лед. Помню одну пару, видимо мать и дочь, которые, несмотря на все призывы соплеменников, все же не последовали за остальными. Уж не знаю, не было ли у них сил для того, чтобы уплыть назад или вид внезапно открывшегося им мира так их поразил, но они отказались возвращаться. Да так и остались там наверху с открытыми, но уже остекленевшими глазами, полными, как мне тогда показалось, удивления и восторга.

И более мне вам, – обратился Скит к аудитории, – пожалуй, и нечего добавить к этому рассказу. Скажу лишь только, что в научной среде Руллов после этого события возобладали точка зрения «ледовиков», поскольку «водники» из тех, что еще оставались в живых, были так напуганы произошедшим, что предпочли отказаться от своих убеждений. Впоследствии, это, конечно, приведет к угасанию их цивилизации и прекращению научно-технического прогресса. Замкнутый мир не может развиваться бесконечно. К сожалению.

Все, уважаемые слушатели, это конец истории. И прошу вас, не задавайте мне сегодня вопросов. И извините меня. Грустная это была история, а я не люблю никого расстраивать. Прощайте.

Скит повернулся и пополз к океану, где отойдя от берега на несколько орр, сел прямо на дно, да так там и остался. Гости же разошлись, как он и просил, тихо и не спрашивая ни о чем. Лишь некоторые из них, оглянувшись потом, видели эту одинокую черную фигурку тэянина, безвольно подставлявшего свое тело под удары набегавших прибрежных волн.

5. СЛИШКОМ МНОГО ОКОН

Рассказчика не было. То есть он, конечно, где-то был, но его не было на месте. Слушатели же, напротив, все уже собрались. И хотя они время от времени озирались по сторонам, однако сильного беспокойства не выказывали, – не было пока еще ни одного случая, чтобы Скит Йонтра не пришел к назначенному часу. Посетителей сегодня собралось немного меньше, чем обычно. Погода на Тэе начинала портиться и на побережье накрапывал уже слабый дождик. Но было еще тепло, поэтому никто не испытывал особого дискомфорта даже находясь под открытым небом.

Ну вот, наконец, и Скит. Появился он, правда, сегодня несколько необычным способом, а именно из океана. К тому же, очевидно немного не угадав с дистанцией, на берег он выбрался оррах в трехстах от нужного места. Вслед за ним, чуть погодя, из воды появились еще гости. Это были такие же как и Скит, йонтры, только маленькие. Они ему явно досаждали, а он, судя по всему, то ли не имея сил, то ли достаточного желания, никак не мог от них отделаться. Беседовали они о чем-то. Точнее, говорили в основном малыши. Скит же отвечал лишь короткими, резкими фразами. Однако из-за прибрежного ветра, который сносил в сторону почти все звуки, разобрать, о чем у них там шла речь было совершенно невозможно. Наконец они приблизились и слушатели поняли, что мелкие йонтры были какими-то родственниками Скита и что он сейчас был вынужден за ними присматривать, чему, естественно, был не слишком-то рад.

– Последыши, – так он называл их, – вот я сейчас занят, а вы просите купаться. Идите сами, зачем вам я?

– Нет, дядя Скит, – отвечали последние, – ты нас должен беречь, а то тебе от мамы попадет.

Примерно так перебраниваясь и вовсе не торопясь, они добрались до того места, которое Скит иногда называл «дикой кафедрой». Здесь находились его мраморный стол, плетеное из морских лиан кресло и где ему самому и нужно было присутствовать в этот час. Малышей же он уговорил остаться рядом со слушателями, но с краю, который был обращен к океану. Посадить их со стороны леса он все-таки побоялся. Потому что зная свою рассеянность, не мог полностью положиться на собственное внимание, а также на то, что заметит, если какой-либо из протокорней или иных лесных обитателей попытается дотянуться до малышей.

– Вот, – обратился он к аудитории, когда как следует устроился в кресле и указывая щупальцем на маленьких йонтр. – Полюбуйтесь только на них. Их семьи сейчас, видите ли, мигрируют, а я, старый больной осьминог, должен присматривать за их детьми. Мешают они им, оказывается. А мне значит, нет?! – Скит пробормотал еще что-то нечленораздельное, потом пару раз громко щелкнул клювом, весь как-то подобрался и приступил наконец к рассказу.

– Эти малыши, однако, – начал он, – натолкнули меня на мысль о теме сегодняшней моей истории. Я ведь и сам когда-то, как, впрочем, и все уважающие себя йонтры, мигрировал по Великому океану. Делом это было весьма увлекательным, хотя подчас и опасным. Много чего повидал я тогда впервые. И коралловые водоросли Южного атолла, и соляные горы Фирсова моря, и даже Кинтскую впадину, которую примерно тогда и открыли. Но, впрочем, я не об этом. Так вот, – помимо красот различных, я познакомился также и со многими обитателями морских глубин, причем не такими, как я, земноводными, а лишь и исключительно, – водными жителями этой планеты. Некоторые из них были разумны, а некоторые даже умны. Самыми удивительными из этих созданий были, пожалуй, Уллы. Это такие, кто не знает, – Скит глянул на слушателей, – ракообразные, похожие на улиток существа, точнее, дальние-дальние их потомки. Живут они преимущественно на мелководье, но не на таком, чтобы днев-

ной свет доходил до них. Они любят сумерки или почти полную темноту, кому как. Раковины свои они уже не носят с собой, а эволюционировав, превратили их в настоящие дома, причем даже с окнами и дверьми, где, собственно, и живут. Однако древних привычек они полностью не забыли, а поэтому дома свои не покидают или делают это только при самых крайних обстоятельствах. И это правильно, скажу я вам, потому что Уллы обладают еще одним свойством, – они светятся. Причем, чем умнее Улл, тем ярче его свет. И, естественно, выйдя из своего домика, такой Улл становится очень уязвимым, а потому при первой же возможности прячется.

Я видел их колонии, расположенные и на западном атолле, и здесь недалеко на мелководье, и скажу я вам, зрелище это поистине завораживающее. Будто тысячи маленьких фонариков разбросанных по дну, они освещают голубоватым светом близлежащие окрестности: песок, водоросли, кораллы, делая при этом пейзаж почти фантастическим. Светят они, конечно, только через свои окна, которые всегда открыты и которых обычно бывает два. А вот закрывать эти окна категорически не следует, потому что Уллы именно через них и получают всю информацию об окружающем мире. Больше даже скажу, весь Великий океан для них – это своего рода тонкая звуковая мембрана или сверхчувствительный световой прибор. Уллы, например, могут слышать то, что происходит на другом конце океана или видеть то, что происходит даже в космосе. Малейший фотон, попавший в воду, или звуковое колебание ее могут они уловить, изучить и понять. Тут, как мне кажется, не без экстрасенсорики. Но это все же опустим, потому что я и сам точно не знаю.

Ну и конечно, я не мог тогда не подружиться с этими Уллами. Много чего я им рассказывал о своей жизни на поверхности, а они мне о своей. Научили они меня многому и задали направление мыслям такое, которого я даже и не предполагал. По сути, заставили по-иному на мир смотреть. Особенно сдружился я с одной семьей. Милые Уллы, но в общем, вполне обыкновенные. И была у них девочка. Удивительная. Еще даже когда совсем маленькая, она уже отличалась от других детей. Умненькая такая, глазки озорные, взгляд добрый и даже какой-то по-особому светлый. Свет этот, впрочем, был ее и счастьем, и проклятием.

Она росла и, не по годам развитая, уже в двенадцать лет получила свидетельство о начальном тэянском образовании. Дистанционно, конечно. Университет также не устоял перед ее способностями и пал через два года. И так она пошла-пошла, пока наконец не выросла в совершенно удивительное создание. «Уля» – так я ее звал, – стала молодой, красивой девушкой. Очень умной и талантливой. Решила мне как-то одну задачу, с которой я, тогда уже младший сотрудник Университета Тэи, носился почти целую неделю. А она узнала как-то, подозвала меня к себе и шепнула решение. Рад я был тогда, конечно, очень и удивлен, но и напуган. Стал ее даже как-то избегать после этого, – Скит изобразил грустную улыбку, – и сам, признаться, не понимая, почему. Домик ее, такой яркий и светлый, блестящий среди других домов как алмаз среди меди, начал меня словно отталкивать. А окна ее, которых было, кстати, аж пять, буквально слепили меня, обжигая каким-то неестественным светом. Мало-помалу я отделился от этого семейства и занялся своими делами. Зеркала отражений у меня тогда еще не было, поэтому я сутками напролет торчал то в лаборатории, то на кафедре.

И прошло довольно много времени, прежде чем однажды, прогуливаясь вдоль берега, я услышал тихий, далекий, но словно бы знакомый голос. Немного растерявшись, я попытался определить направление, но безрезультатно. Тут вдруг опять. «Странно, – подумал я, – голос вроде слышу, а откуда он идет, понять не могу, словно чувствую его как-то...» И тут я опять почувствовал, но уже более отчетливо – слабое покалывание и дрожь, но не ушами, а шупальцами, которые были тогда наполовину в воде. Я нырнул: «Так и есть, кто-то зовет меня, изда-лека зовет. Такой нежный, но уверенный голос». «Уля!» – вспомнил я вдруг. И больше уже не думая, поплыл что было сил в направлении источника. Домик ее я увидел сразу. Яркий, как

маленькая вспышка, он стоял теперь на некотором отдалении от других домов. Слегка зажмурившись, я подплыл к окну.

Она была прекрасна. Светлая, с высоким лбом, изумрудными плавниками и перламутровыми ресницами, Уля стояла посередине домика и смотрела на меня своими огромными, ясными, переливающимися глазами.

– Я несчастна, дядя Скит, – лишь смогла она произнести, после чего кинулась к окну и обвила мою шею своими пушистыми, теплыми лапами.

– Да что ты, что ты Уля, – лишь смог пробормотать я в ответ, – ты такая... такая, красивая!

Она с сомнением поглядела на меня и заплакала еще громче.

– Нет, – рыдала она, – нет, меня никто не любит, никто.

Так мы и стояли. Она, всхлипывая у меня на груди, а я молча, не зная что и сказать. Конечно, я понимал тогда, что и сам отчасти виноват в таком ее положении. Зачем прервал отношения с ней, с ее семьей? Ведь не мог же я не знать, что нужен им и ей прежде всего. «Эгоист проклятый, сноб», – ругал я себя. Вот только, что теперь можно было поделать? Уля же в тот момент, словно угадав мои мысли, слегка отстранилась назад, посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

– Я все понимаю, дядя Скит. И знаю – вы добрый, а ушли от нас тогда потому, что все так делали. А я... я не такая как все. Я урод, я умная. – И снова заплакала.

Я уже не мог этого больше вынести и поэтому тоже от нее отстранился и сказал, но теперь действительно серьезным голосом:

– Знаешь что, девочка, так ты все глаза себе выплачешь. А ведь делать-то что-то надо? Расскажи-ка мне лучше, что у тебя стряслось.

История ее, как оказалось, была самой обыкновенной. Несчастливая любовь. Был у нее парень, красивый такой, сильный, умный... правда, не настолько умный как она. И на этом их отношения и разладились. Парень ей много чего рассказывал, учил ее чему-то, а она только смотрела на него удивленно, и нет, не смеялась даже, а просто молчала в ответ. Но он как-то догадался, что «орешек ему не по зубам» и стал отдаляться от нее. Начал грубить, оскорблять, ударил даже однажды. А она все терпела, хотя и мучилась страшно. Кончилось же все тем, что он ей сказал, что она для него слишком светлая, и что он не хочет ослепнуть раньше времени, а поэтому уходит из ее домика и не вернется больше.

– Вот, дядя Скит, – завершила она свой рассказ, – и вся моя история. А теперь скажите мне, – на этот раз она уже очень серьезно и даже как-то по-взрослому посмотрела на меня, – что мне делать?

«Будто это я виноват, что ты такая», – подумалось мне отчего-то в тот момент. Но в ответ я ей все же сказал, что раз ее парень испугался ее ума, а ум Уллов связан с открытыми окнами их домиков, то, – не заделать ли ей пару этих окон, чтобы немножко, ну... поглупеть. Никогда, уважаемые слушатели, никогда я не забуду ее взгляда тогда. Она вся вдруг как-то сжалась, словно от озноба, лицо ее передернулось и она отплыла от окна, все еще неотрывно глядя на меня. А потом опустила голову и задумалась.

– А ведь вы правы, дядя Скит, – сказала она чуть погодя. – И вы всегда были умным и... добрым. Но не приходите ко мне больше, никогда. – Она снова заплакала. Потом проплыла в угол комнаты, достала что-то снизу и протянула мне.

– Вот, возьмите, это жемчуг. Он очень красивый и редкий, потому что мы, Уллы, мало и редко плачем. Берите, он ваш. Это вам память об одной умной-глупой девочке, которая вас так всегда любила и ждала. Прощайте. – Она отвернулась.

Говорить больше было не о чем. И я, прямо так с горстью этого жемчуга поплыл по направлению к берегу. «Оказывается, их слезы превращаются в такую красоту, – думал я, поднимаясь к поверхности и иногда поглядывая на полученный подарок, – надо же, не знал».

Вот, уважаемые слушатели, и вся моя сегодняшняя история, – подытожил Скит свой рассказ. – И не судите меня строго, прошу вас. Вы не были на моем месте и не можете знать, как бы сами поступили в той ситуации. А Уллы, они все-таки удивительные. И даже сейчас, проплывая мимо их поселений, я, который столько раз их видел, не могу не восхищаться их красотой и уникальностью. Скит остановился. «А ведь домика Ули я что-то больше не замечал, – подумал он про себя, – хотя и проплывал мимо того места не раз уже. Хм-м, наверное, она все-таки послушала меня тогда и сделалась немного, поглупей. Ну да ничего, зато возможно и счастливей тоже... наверное».

Так, в задумчивости, более занятый своими мыслями, Скит попрощался с аудиторией и пополз к своему дому. Мелкие йонтры засеменили за ним. Скит улыбнулся: «А ведь они не произнесли сегодня ни одного слова, пока я рассказывал, а значит история, наверное, была все же хорошей. Ну да ничего, пусть себе на ус мотают, может и не совершат моих ошибок, когда вырастут».

6. Железная балка

– Так, собственно, звали капитана одного корабля, на котором, – тут Скит Йонтра в задумчивости потер клюв и посмотрел на слушателей, – мне летать не приходилось. К счастью. Это был трианец. Уверенный, сильный, мужественный. Я бы даже сказал, какой-то упертый, но при этом, пожалуй, и честный. «Железная балка» было, конечно, его прозвище. Настоящего имени я уж, позвольте, сейчас упоминать не стану. Тем более, что самого его и в живых-то уже нет давным-давно, – Скит грустно вздохнул.

– Вот какой это был капитан: он дважды, тогда еще лейтенантом, ходил на штурм мира Го. А ведь вы знаете, что в той кампании и после первого штурма мало выживших осталось. Он один, безо всякой поддержки спускался на дно Карамуанского ущелья. Того, что на седьмой планете Лаа системы. А там, кстати, примерно семь тысяч орр совершенно отвесного спуска, когда ты и сам уже подчас не знаешь, лезешь ли ты вниз еще или незаметно падаешь в бездонную пропасть. Я как-то разговаривал с одним знакомым альпинистом, так вот он мне посоветовал не то что не спускаться, но даже и близко не подходить к той расщелине. Прибавив к тому же, что если в нее поместить всех тех несчастных, кто туда когда-либо сорвался, то она, пожалуй, стала бы наполовину мельче. И прочее, и прочее, все в том же духе. Складывалось впечатление, что трианец этот, ну просто не мог или не хотел, тут уж и не скажу точно, жить без подвигов. Его словно притягивали всевозможные опасности и разного рода испытания. Внешностью своей он был также под стать характеру: жесткий, подтянутый, тренированный, худой. И прямо как в определенного типа грамма-фильмах с почти уже дежурным шрамом через всю щеку. Мужественный капитан.

Но шли годы. И его потихоньку отодвинули от боевого флота. Переправляли то туда, то сюда, и наконец поставили командовать какой-то ржавой посудиной, перевозившей урановую руду в системе Онте. Конечно, для трианца это было, наверное, едва ли не хуже смерти. Но что было делать, работа есть работа. Впрочем, как вы, возможно, уже догадались, он и там нашел место, так сказать, подвигу. Дело было в том, что в системе Онте находилась одна очень неприятная и даже каверзная планета. Да и не планета даже, а всего лишь то, что от нее осталось. Она была самой ближней к местному светилу. И та звезда постепенно выжгла и сдула плазменным ветром с нее абсолютно всю почву и даже часть мантии, оставив нетронутым лишь одно ее железное ядро. От этого планета, конечно, значительно потеряла в размере, но не в весе. Ибо масса ее была почти полностью сосредоточена в этом ядре. И вот мимо этой-то как раз железной планеты и проходил регулярный маршрут звездолета, которым тот трианец командовал. Ну и ему тогда сразу, еще при инструктаже, сообщили, что подлетать к ней категорически запрещалось.

Гравитация там была слишком сильной. То есть звездолет его мог бы на нее, пожалуй, и приземлиться. Но вот со взлетом почти наверняка бы возникли большие проблемы. Да и защитное поле его корабля не выдержало бы долго, если бы ему вдруг и пришлось совершить такую посадку. Впрочем, не знаю, – Скит задумался, – может и зря его так инструктировали. Ведь нужно же, наверное, как-то учитывать особенности личности при таких инструктажах. Не могу сказать. Но для нашего героя эта опасность была, прямо как магнит для железа, притягательной неимоверно. Рассказывали потом матросы с того корабля, когда уже все закончилось, что командир их, ну прямо как нарочно, когда им приходилось пролетать мимо той планеты, выбирал траекторию наиболее близкую к сфере невозврата. То есть к условному расстоянию, когда их двигатели уже не справились бы с ее гравитацией. Объяснял он это тогда весьма просто – экономией топлива. На самом же деле он буквально дразнил ту планету, да и свою судьбу тоже. Поэтому неудивительно, что однажды произошло то, что должно было бы, наверное,

произойти. Их звездолет рухнул на железную планету, вызвав этим страшный переполох на всех спасательных станциях соседних звездных систем.

В то далекое время я был еще совсем молодым матросом и только учился своему делу. С группой курсантов мы проходили практику на одном из звездолетов Северного торгового альянса, где помимо прочего изучали предмет техники безопасного пилотирования. Базировались мы на тренировочной орбитальной станции у одной из малых планет системы Мио. И тот случай с кораблем «Железной балки» как нельзя лучше совпадал с предметом, что мы проходили. Да к тому же еще и сама система Мио находилась совсем недалеко от места катастрофы. Поэтому наше командование и приняло тогда решение задействовать нас, еще совсем неопытных молодых курсантов, в той спасательной операции. Я же в результате всего этого оказался невольным свидетелем последовавших, все же довольно-таки печальных событий. Да и не стал бы я вам рассказывать всю эту историю в противном случае, – Скит щелкнул клювом, – ведь вы знаете мое правило, рассказывать лишь о том, что видел собственными глазами.

Тут он ненадолго прервался, весь как-то передернулся будто хотел стряхнуть с себя что-то, потом снова глянул на слушателей дабы удостовериться, что не утратил еще их внимания и продолжил.

– Взлетели мы ночью. Уж даже и не знаю почему, но я отчего-то боюсь взлетать по ночам. Будто ты из одной темноты сразу попадаешь в другую и тебя невольно охватывает неприятное чувство беспросветной тоски. Ты начинаешь нервничать и совершаешь, естественно, массу ошибок. Но в то время, к счастью, от меня мало что зависело, поэтому чего-то серьезного я натворить просто не мог. Квартировался я в одной каюте, если ее вообще можно было так назвать. Маленькая, что и не развернуться, неудобная, да к тому же еще у самого прохода. В каюте жесткая, неудобная койка, над которой низкий, что едва не цепляешь головой, потолок. И что самое неприятное – лампочки. В чью умную голову пришла идея их там разместить, уж не знаю, но мешали они мне, особенно в первое время, ужасно. Помню вот, – ты только лег и уже дремать начинаешь, а они светят тебе прямо в лицо, да еще и мигают при этом.

Вот и в ту ночь я ворочался, а проклятые лампочки светили, как мне тогда казалось, словно прожектора. Однако, все же начиная поддаваться усталости, я уже стал потихоньку проваливаться в сон, как вдруг услышал: «у-у-у» и снова – «у-у». Сирена! Все куда-то забежали, зашумели. Ну и я поднялся. Открыл дверь и увидел, что ребята с моего отделения все уже на ногах и бегут к главному залу, куда и мне следовало отправляться как можно скорее.

Весьма неохотно, ведь поспать мне тогда так и не пришлось, я выбрался из своей каюты и пополз вслед за остальными. Кто-то впотьмах, помню, наступил мне тогда на щупальце, кто-то выругался, кто-то мимо пробежал, потом обратно. В общем, суматоха была ужасной. И неудивительно, ведь пол-команды того корабля были такими же как и я молодыми практикантами, и суетились, к слову сказать, совсем не по делу. Добравшись наконец до того главного зала, я обнаружил, что был едва ли не последним матросом на построении. Все уже собрались и, поправляя форму, ровняли шеренгу, пихая при этом друг-друга в бок. Я присоединился к процессу.

Вышел офицер, весь подтянутый, энергичный, с какой-то треугольной медалькой на кителе, не то, что мы, салаги. Окинул нас строгим взглядом и говорит: «Ну что, „Железная балка“ доигрался-таки и врезался в первую планету Онте системы». А я еще и подумал тогда: «Ну а при чем же тут мы и какая спасательная операция? Ведь если „врезался“, то кого спасать?» Но тут же, правда, выяснилось, что все же не «врезался», а сел. Но сел плохо. Что антигравитационное поле корабля повреждено и работает только в половине отсеков. И что кислород кончается, и что раненые есть, и прочее, и прочее. В общем, дело скверное и мы должны поспешить, если не хотим прилететь на место лишь для того, чтобы засвидетельствовать факт гибели экипажа. Ну что же, спешить так спешить. Все кинулись по своим постам, ну и я пополз к своему. Был он, не в пример моей каюте, удобным. Рядом с большим иллю-

минатором, в который я очень любил глазеть, с нормальным потолком и, что самое главное, с воздуховодом. Который шумел, правда, но зато и свежий, только что очищенный воздух мне в комнату задувал.

Тут взревели двигатели, откуда-то сбоку вырвались языки фиолетового пламени и корабль, вздрогнув всем корпусом, оторвался от стартовой платформы. После чего тяжело, словно нехотя, с какой-то дребезжащей гулкой вибрацией начал медленно подниматься. Но едва лишь мы отошли от орбитальной станции на безопасное расстояние, как он словно напрягся весь и буквально выстрелил в космос. Сила, скажу я вам, все же чудовищная в этих фотонных двигателях. Но она меня всегда почему-то очень успокаивала. Вот и в ту ночь, чувствуя ее мощь, я постепенно угомонился, перестал суетиться и даже как-то обрадовался, что опять нахожусь в космосе и лечу с благородной миссией на помощь разумным существам.

Скит посмотрел в сторону. Немного подумал. Было заметно, что его прошлое, пусть и весьма далекое, все еще несколько довлеет над ним. Однако, выдержав непродолжительную паузу, он и вправду, как бывший, но все же солдат, собрался с мыслями, приосанился, щелкнул клювом и продолжил.

– Летели мы недолго. Полу суток по космовремени вполне хватило, чтобы добраться до той злополучной планеты. Координаты на поверхности мы также быстро вычислили и это была уже моя задача, – Скит слегка кивнул головой. – Потом посадка. Двигатели загудели вновь и корабль начал медленно сужать радиус орбиты. Ну уж, скажу я вам, и место «выбрали» те бедолаги, чтобы рухнуть. Планета-то действительно была суровой. Гравитация, песчаные бури из какого-то красного секущего песка. Да такие, что в иллюминатор почти ничего не видно. Ветер, вой которого ощущаешь даже через бронированную обшивку корабля. И алое марево вокруг, явно свидетельствующее о наличии мощного плазменного ветра от недалекой звезды. В результате же, наш корабль едва только не снесло от места крушения. И уж даже не знаю, каких невероятных усилий стоило нашему штурману его более или менее точно посадить. Рухнувший звездолет стоял здесь же. Я видел его в иллюминатор. И в тот, самый первый момент, мне даже показалось, что все уже удалось, и пострадавшим только и остается, что дойти до нашего корабля. Ясно, что в скафандре передвигаться тяжело, а тут еще и ветер, и гравитация, и песок. Но ведь близко же совсем. Однако я недооценил ситуацию.

Нас, кто в ту смену был в спасательной команде, всех сначала построили, потом отвели в коридор со скафандрами, а затем, проверив в барокамере, и к носовому шлюзу. Дверь открылась и остатки воздуха выбросило в пространство белой искрящейся пылью. Мы очутились почти один на один с планетой. Но под защитным козырьком, конечно. Этот козырек выдавался вперед орр на десять и был в ширину примерно таким же. Он полностью защищал нас от гравитации, да и термозкран, который работал по его периметру, не давал ветру задувать к нам песок снаружи. Поэтому стоя так, мы даже и близко не могли себе представить всю звериную мощь и чудовищную силу того мира, который нас окружал. Потом-то, конечно, все выяснилось. Но поначалу у меня, например, возникла даже идея: «А не прогуляться ли до разбитого корабля вот просто так, в скафандре, и не посмотреть поближе, что у них там происходит».

Ну вот наконец и разбитый корабль стал подавать признаки жизни. Носовой его отсек, поскольку корабли стояли почти нос к носу, засветился сигнальными огнями и дверь его аварийного шлюза с явно заметным подергиванием ушла медленно в пол. В проеме стояло несколько астронавтов. Ровно десять насчитал я: «А остальные? И где капитан? А-а, вот он, голубчик, стоит вместе со всеми. Сбоку так, по-скромному. Чувствует, видимо, свою вину». Мне этот капитан тогда как-то сразу не понравился. Возможно, – Скит криво усмехнулся, – всего лишь оттого, что по его вине я лишился в ту ночь заслуженного отдыха. Но тогда на первом месте была, конечно же, спасательная операция. И о своих предпочтениях нужно было забыть. Спасать мы обязаны были всех: и правых, и виноватых.

Впрочем, как я уже сказал, все, что нам предстояло сделать, казалось мне в тот момент совершенно не сложным. От нашего козырька до их выхода было всего орр тридцать, не больше. И я, все еще не до конца понимая, с чем имею дело, никак не мог взять в толк, чего это они там все стоят в своем шлюзе и не переходят на наш корабль. Вместо этого потерпевшие, а именно так мы называли всех тех, кого спасали, начали вытягивать по направлению к нам какую-то длинную, широкую железяку. «А, они строят мост, – подумал я, – или горку». Поскольку их шлюз находился немного выше нашего. «Ну что же, молодцы...» Но не успел я это подумать, как их балка, по виду так весьма прочная, потому что была ми в три сплошной стали толщиной, вдруг как-то вся изогнулась дугой и, яростно скрипнув, вывернулась в некое подобие спирали. «Опа!» – сказал я себе. Да и ребята, насколько я мог судить, тоже глаза выпучили. Все синхронно подались назад и подальше от края защитного козырька. Я тоже невольно отодвинулся.

Гравитация. Мы еще никогда не сталкивались с такой. И, скажу я вам, это уже действительно было страшно. Офицер, который нас сопровождал тогда и тоже все видел, тотчас же нырнул в шлюз и по всей видимости побежал докладывать. А еще через пару минут в переговорниках наших гермошлемов зашипело и наш же офицер сообщил, что эвакуация будет проходить в незапланированном порядке. Что потерпевшие частично отключат антигравитационное поле своего корабля, отчего часть верхней палубы их носового отсека, уже лишенная защиты, рухнет, естественно, вниз, а их сжатым воздухом выбросит прямо к нам. «Горт, – выругались мы с ребятами почти одновременно, – кто же это такое придумал?» Но что мы могли тогда. Нам приказывали – мы исполняли, вот и все. Спорить или даже сомневаться было не положено. «Хотя... – продолжил я размышлять уже самостоятельно, – идея-то на самом деле интересная и кто знает, быть может, все и получится. Вот только... кто будет защитное поле отключать?» Я повернулся к ребятам:

– Кто поле-то отключать будет? Ведь его только с капитанской рубки можно.

Мы посмотрели на шлюз разбитого корабля. Так и есть. Фигура капитана, теперь уже какая-то скрюченная, медленно повернулась и исчезла из поля нашего зрения. «Смертник, – решил я тогда, – сумасшедший. Ну зачем так-то?» И знаете, несмотря на первое впечатление, я невольно и как-то сразу проникся уважением к этому трианцу. Пусть он был виноват, пусть рискнул чужими жизнями и многие уже погибли, но вот он и своей собственной тоже не пожалел.

В шлеме опять что-то зашипело и уже другой голос, по-видимому, сам наш капитан командовал: «Ловите их ребята!» И тут, прямо нам в лицо ударило песком и пылью снаружи. Термоэкранный на секунду отключился и с дюжину тел разом влетело к нам под козырек. Экран закрылся. Потом все было как обычно: крики радости, объятия, слезы. Все были живы и их повели в санчасть. Мы же пошли переодеваться. Все было хорошо, вот только под левым шупальцем болело сильно. По всей видимости, кто-то из потерпевших попал мне туда коленом или локтем. Ну да ничего, главное – мы всех их спасли. Но вот только всех ли? Я вспомнил о капитане и невольно посмотрел в иллюминатор. Там все было по-прежнему: порывистый ветер, железистый песок и тот несчастный покореженный звездолет, который теперь казался уже каким-то совсем безжизненным. Мы начали готовиться к старту.

Двигатели загудели вновь и корабль начал медленно, на этот раз уже по-настоящему тяжело и явно напрягая всю свою мощь, подниматься. И тут, уважаемые слушатели, я увидел то, чего и до сих пор не могу ни понять, ни объяснить. Ребятам рассказывал, но никто не верил, конечно. А увидел я вот что. Из того шлюза, откуда вылетели потерпевшие, и будто ни ветра, ни смертельной гравитации не было и в помине, вышел трианец. То есть я видел лишь скафандр его. Но это точно был он. Я весь буквально прилип к иллюминатору, пытаюсь рассмотреть то, что видел. Да – он. Его скафандр с золотой полосой командира на рукаве, гермошлем. Но что это? Внутри его гермошлема, который был спереди полупрозрачным, буквально взо-

рвалось что-то. Брызги крови залили внутреннюю поверхность бронестекла и даже небольшой его кусок, отколовшись, улетел куда-то. А скафандр все так и стоял на месте, и более того, медленно и даже как-то неправильно поднял вверх левую руку и, словно прощаясь, помахал нам вслед. «Этого не может быть», – пронеслось у меня в голове. Я обернулся в надежде найти кого-либо. Но никого рядом не было. «Но ведь он же мертвый, – думал я, – как же это? Да какой бы он ни был капитан, сильный, волевой, да пусть. Да даже не знаю кто вообще, но невозможно так. Что значат все его воля и характер, когда тело разрушено полностью? Или что-то да значат все же?»

Мы взлетели. И вот уже и песок той планеты, и гулкая вибрация нашего корабля в прошлом. Я снова лежу на своей койке. И лампочки мне светят прямо в лицо, но уже совсем не мешают почему-то. Сна нет. Да и какой сон, одни мысли. «А ведь они нашли друг друга, – думалось мне, – эта планета, ободранная звездой до самого ее основания, до самой железной ее сути, и этот трианец, ободранный от плоти, но уже самой планетой, которая, впрочем, так и не смогла разрушить его собственную суть: характер, волю. Твердую, да даже нет, тверже чем железная балка».

Вот, собственно, и весь рассказ, – коротко подытожил Скит. – Добавлю только, что потом, конечно, было расследование. И знаете, оказалось, что тот трианец вовсе и не был причастен к произошедшей катастрофе. Виноват был штурман, который что-то там напутал и который, конечно же, был в числе спасенных.

7. Мантры

Скит Йонтра не находил себе места. Он переползал из стороны в сторону, лишь изредка и как-то нервно поглядывая на слушателей.

– Не знаю даже, как и начать, – произнес он наконец. После чего остановился, тяжело вздохнул и буквально плюхнулся в свое плетеное из морских лиан кресло, которое изрядно закрипело под ним. – Все же эта история, – продолжил он после еще одной, но уже короткой паузы, – немного странная. И я даже не вполне уверен, стоит ли ее вообще рассказывать. Да я и не стал бы, уж наверное, если бы не мой договор с Университетом, по которому обязан сообщать публике обо всем, что вижу в зеркале отражений. Ведь в противном случае его бы мне и не передали в бессрочное пользование. Ну а раз так, – Скит нарочито приободрился, – то давайте начнем-льк.

История эта, как я уже вам сказал, довольно необычная. И, строго говоря, мне и рассказывать-то не о чем. Ведь приборы не фиксировали ничего. Можно даже и записи посмотреть, если кто хочет, конечно. Однако, я тогда все же что-то видел и уверен в этом. Вот только это «что-то» было очень неприятным. Поэтому должен вас сразу предупредить, что сегодня просто не смогу, при всем моем желании, избежать некоторых непонятных, а возможно, в чем-то даже и пугающих подробностей. И если кто не хочет иметь определенных проблем со сном, как это было у меня, то пожалуйста, пусть лучше пройдет к выходу уже прямо сейчас, а то потом, может статься, что и поздно будет.

Публика переглянулась: «Чего такого страшного мог Скит рассказать им? Ведь они и так уже много чего от него слышали, и неприятного, кстати, тоже. Но вот так заранее, чтобы он всех предупреждал, такого еще никогда не случалось». Но, конечно, никто тогда не ушел. Все посчитали себя вполне способными выдержать любую, даже самую пугающую историю. И, кто знает, быть может, что зря.

– Все началось позапрошлым летом, – приступил наконец к изложению Скит. – Один из звездолетов Северного торгового альянса, который осуществлял доставку продуктов питания, подал сигнал о помощи. В общем, то был совершенно рядовой случай, ничего особенного. Единственное, что, возможно, было тогда не слишком хорошим, так это то, что кораблю службы спасения очень далеко было лететь до места предполагаемой аварии. Да и не аварии даже, а так, лишь небольшой поломки, которая, однако, вынудила тот несчастный звездолет все же сесть на ближайшую, более или менее подходящую по климату планету. Условия на ней были, конечно, не слишком благоприятными, но во многом приемлемыми. Холодно было только очень, а так, – вполне себе обычная планета. С атмосферой, с водой, правда в виде снега и льда, и даже с какой-никакой растительностью. Биокатализаторы у всех членов команды работали исправно, поэтому они вполне могли бы там даже и перезимовать в случае крайней нужды. Задержка же с эвакуацией в тридцать дней вообще не должна была представлять для них никакой проблемы. Но все пошло, как вы наверное уже догадались, не совсем так. Сначала все действительно было нормально. Периодические сеансы связи с кораблем спасения, ежедневные отчеты о здоровье экипажа и все такое прочее, что делается в подобных ситуациях. Однако, примерно за неделю до прибытия спасателей на планету, связь с аварийным звездолетом вдруг прервалась. И ни предупреждения, ни дополнительного сигнала бедствия получено не было. Вся операция тогда, конечно же, была продолжена, хотя некоторое ощущение тревоги и того, что что-то случилось, витало уже в воздухе.

По прибытии на место спасатели быстро обнаружили аварийный звездолет. Но к тому времени он уже почти наполовину был занесен снегом, да к тому же еще не подавал никаких признаков жизни. Ни тропинок вокруг, ни света иллюминаторов, ни пара от отопительной системы видно не было. Уже не на шутку встревоженные, спасатели проникли вовнутрь. Звезд-

долет был пустой. Ни живых, ни мертвых. Об этом, конечно же, сразу тогда доложили в штаб операции, а оттуда, минуя еще несколько промежуточных инстанций, информация дошла уже и до меня. Из нашего Университета мне переслали материалы прямо ночью и попросили просканировать при помощи моего зеркала окрестности района катастрофы. Этим-то я и занялся. Но вот только знаете, – Скит как-то прерывисто вздохнул, – быть может, что мне лучше этого было и не делать. Ведь начиная с того момента и еще в течение целого месяца после того, как все наконец завершилось, мне так ни разу уже и не пришлось по-настоящему спокойно поспать. Хотя, конечно, несколько спасенных жизней все безусловно оправдывают.

Так-льк, – Скит посмотрел на свой стол. – Вот это, уважаемая публика, – он указал на некий, округлого вида плоский предмет на нем, – зерновая лепешка. Простая лепешка, какие пекут на многих планетах. И на Тэе, кстати, тоже. Но именно она, а точнее то, что в ней скрыто, и удержало то, или «нечто», от проникновения в наш мир. – Скит вылез из-за стола и вновь наступила пауза, во время которой он покрутил лепешку в своих длинных, черных щупальцах, рассматривая ее с разных сторон. – Вот видите, – продолжил он, – ничего особенного. А при этом что-то в ней все-таки есть. Ну, да об этом позже.

Так вот, этой же ночью, а фазы времени суток на той снежной планете и на Тэе почти совпадали, я приступил к сканированию. Задав нужные координаты, я нашел тот несчастный и к тому времени уже полностью занесенный снегом звездолет. Посмотрел, что было вокруг него, потом дальше, еще дальше и так до радиуса десяти тысяч орр. После чего сменил фокус зеркала и стал осматривать иные, уже более крупные участки поверхности. И знаете, нашел. Но далеко, вообще в противоположном полушарии планеты, – дымок, поднимавшийся из огромного сугроба. Как оказалось, это был контейнер торгового альянса, который, судя по всему, сбросили со звездолета во время посадки. Он был снабжен системой сохранения грузов, парашютами и прочим, и поэтому не разбился, а стоял целехонький и только лишь засыпанный снегом по самую крышу. В контейнере же находились, что меня тогда, как помню, немало позабавило, два снурра. Это такие белые, все покрытые шерстью жители Монта системы. Довольно добродушные, хотя и хулиганистые существа. Разумные и имеющие развитую, весьма самобытную культуру. Сузив радиус обзора зеркала до минимума, я стал слушать. Из их разговоров я узнал, что путешествовали они на том звездолете нелегально, отчего и пробрались в свой контейнер еще до старта корабля. Что сидят они тут уже тот самый месяц, что длится спасательная операция, но надежды пока еще не теряют и рассчитывают, что за ними кто-нибудь все же да прилетит. Дела у них шли в общем-то неплохо, особенно с учетом сложившейся ситуации. Ели они как раз вот такие зерновые лепешки, которыми был доверху набит тот контейнер, пили талую воду, а помещение свое отапливали, сжигая в импровизированной печке сухой хворост, что собирали в близлежащем лесу.

Я немедленно сообщил о находке по инстанции, не упомянув, однако, имен тех снурров, которые были настолько труднопроизносимыми, что воспроизвести их можно было, пожалуй, лишь посредством звукозаписи. В общем, кто знаком с этой расой, – Скит щелкнул клювом, – тот поймет. Для меня же они были просто: «номер один» и «номер два».

Наступил новый день и я снова вернулся к зеркалу, чтобы понаблюдать за снуррами. У них все было прекрасно. Со своим густым белым мехом, крепкими, сноровистыми лапами и веселым нравом, они буквально прижились на той планете. А происходящее воспринимали лишь как захватывающее приключение. Они даже радовались, воображая, как потом будут рассказывать своим лохматым сородичам о своих невероятных похождениях. Я же тогда сожалел лишь о том, что не мог напрямую связаться с ними и сообщить, что помощь, которую они так долго ждали, совсем уже близко, что звездолет службы спасения развернулся и летит к ним, и что их «веселая» жизнь там скоро закончится. Однако, как и в случае с аварийным звездолетом, все пошло по-иному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.